

Образ Порфирия Петровича в художественной структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Роман «Преступление и наказание» принадлежит к наиболее изученным в творческом наследии Достоевского. Из числа ведущих его героев выделяется образ следователя Порфирия Петровича. Яркость, глубина и значение его в концепции романа очевидны, оценки Порфирием теории и «дела» Раскольникова цитируются критиками и литературоведами как неоспоримые, но место и функции этого персонажа в художественной структуре романа до сих пор не были предметом специального исследования.

Блестящее знание человеческой психики, умение разглядеть за внешней и формальной логикой фактов более глубокую причинную связь, проникнуть в ненормативную систему мышления, выдающийся профессиональный талант прежде всего привлекли внимание современников Достоевского, увидевших в Порфирии «идеал следователя», какого «даже между современными правоведами пока невозможно встретить»¹. О нем восторженно писал А. Ф. Кони, считая особой заслугой писателя перед русским обществом и юриспруденцией постановку им задолго до реформы уголовного судопроизводства важнейших вопросов, решаемых практикой Порфирия: «о живом содержании преступления»; «о наказании в том виде, в каком оно существует в действительности, — вопрос не о той указанной в кодексе роена, которая не может быть *sine lege*², а о настоящей каре, обусловленной историею и бытом страны»; о нравственной эффективности юридического наказания, т. е. о возможно более полной «гармонии... между этими роена *scripta* и роена *nata*»³; о «способах исследования истины в уголовном деле, приемах отыскивания и оценки фактов»⁴. Считая, что Достоевский создал тип следователя, каким в принципе должен быть и к какому в идеале должен стремиться каждый юрист, А. Ф. Кони особо подчеркивает, что Порфирий не только «умный, тонкий, лукаво-простодушный, но добрый и благородный в душе» человек⁵. Так сло-

¹ Н. Ах и а р у м о в. Преступление и наказание. — «Всемирный труд», 1867, № 3.

² Наказание без закона (*лат.*).

³ Наказание по закону и наказание естественное (*лат.*).

⁴ А. Ф. Кони. Федор Михайлович Достоевский. Речь в общем собрании Юридического общества 2 февраля 1881 года. — В кн.: А. Ф. Кони. Собрание сочинений, т. 6. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 407.

⁵ Там же, стр. 414.

жилося представление о сочетании в облике Порфирия блестящего профессионального таланта и человечности, борьбы с Родионом и сочувствия ему⁶.

Под непосредственным воздействием этого представления и складывалась традиция утверждать, что образ Порфирия выполняет в романе функцию идеологического заместителя автора, выразителя его оценок общественно-политической природы теории и преступления главного героя.

Начало ей положил, на наш взгляд, Н. Страхов. Непосредственно о Порфирии критик не писал. Но в подтверждение основного тезиса своей статьи («автор взял нигилизм в самом крайнем его развитии, в той точке, дальше которой уже почти некуда идти») он привел характеристики Порфирием Раскольниковым как нигилиста, а его преступления как результата современных «книжных теорий»⁷. Тем самым позиции писателя и Порфирия были признаны идентичными в самом существенном — в политической оценке идеи Раскольникова, и диалогической между следователем и преступником оказывались выражением идеологической позиции писателя и средством авторского опровержения теории главного героя⁸. Такая точка зрения распространена и в советском литературоведении. Комментируя слова Порфирия о преступлении Родиона как «нашего времени случая», М. Гус, например, пишет: «Порфирий, по воле Достоевского, все свалил в одну кучу, не желая различать трех категорий: вульгарный убийца, как Данилов; убийца в силу буржуазной теории «сверхчеловека», как Раскольников; террорист-цареубийца, как Каракозов. Достоевский все смешал воедино оттого, что в Раскольникове, в его теории, он хотел обличить революционную идею: он сводил суть нигилизма к наполеонизму»⁹. Поразительно единодушие в данном вопросе с Н. Страховым исходит из априорной, «страховской» по существу, оценки позиции Достоевского в романе: «...теорию Раскольникова... Достоевский хотел «подбросить» революционным демократам, представить логическим завершением их взглядов»¹⁰. «Исходная» же оценка конструируется во многом именно на основании характеристики общественной и политической природы и связей «дела» Раскольникова Порфирием. Возникает замкнутый круг, проверить истинность оснований и элементов которого можно лишь путем анализа художественной структуры романа, места и функций в ней образа Порфирия.

Симптоматично, что анализ структуры в тех элементах, которые касаются образа следователя, вносит существенные коррективы в его трактовку. Изучая отличие сюжетостроения «Преступления и наказания» от традиционного авантюрно-уголовного, в том числе детективного или полицейского романа, Г. М. Фридендер пришел к выводу, что в романе Достоевского «главное место занимает не борьба Раскольникова

⁶ Такова точка зрения Н. Ахшарумова («Всемирный труд», 1867, № 3), Л. Гроссмана («Достоевский». М., 1965, стр. 353—354), Н. М. Чиркова («О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы». М., «Наука», 1967, стр. 102—103).

⁷ «Огчественные записки», 1867, т. CLXXI, № 3, стр. 331.

⁸ По такому же принципу построено доказательство в статье Арс. Введенского «Кризис Достоевского» («Труд», 1889, № 19—20).

⁹ М. Гус. Идеи и образы Достоевского. М., ГИХЛ, 1962, стр. 282. Аналогичны точка зрения и метод рассуждения Ф. И. Евнина («Преступление и наказание». Сб. «Творчество Достоевского». М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 157—158), В. В. Ермилова («Достоевский», ГИХЛ, М., 1956, стр. 171), в известной мере В. Б. Шкловского («За и против». М., «Советский писатель», 1957, стр. 205), Н. М. Чиркова («О стиле Достоевского». М., «Наука», 1967, стр. 104).

¹⁰ Ф. И. Евнин. Роман «Преступление и наказание». — Сб. «Творчество Достоевского», стр. 157. См. также: В. В. Ермилов. Достоевский. М., ГИХЛ, 1956, стр. 171; М. Гус. Идеи и образы Достоевского. М., ГИХЛ, 1962, стр. 283.

с представителем официальной законности — следователем Порфирием Петровичем, а внутренняя морально-психологическая борьба, происходящая в душе самого Раскольникова», что первая лишь «своеобразно усложняет и ускоряет процесс его нравственного пробуждения и отрешения»¹¹. И хотя Г. М. Фридендер считает, что в указанном им плане роль сюжетной линии Раскольникова—Порфирий аналогична той, которую играют «столкновения Раскольникова с такими важнейшими в идейно-эстетическом отношении персонажами романа, как Лужин и Свидригайлов»¹², очевидно, что само «идейно-эстетическое» содержание трех названных образов (Порфирий, Лужин, Свидригайлов) для исследователя не равнозначно и что два последние неизмеримо более важны¹³. Подтверждением тому служит и «минус-прием» в его работе, в которой внимание сосредоточено на идеологических противниках главного героя, а анализа образа «представителя официальной законности» нет¹⁴.

Идеологическое стнесение Порфирия к сфере официальной законности, объективно наметившееся в работе Г. М. Фридендера, чрезвычайно важно, так как дает, по нашему убеждению, единственно верную почву для интерпретации его образа.

Каково же место образа Порфирия в художественной структуре романа? Отличительной особенностью «Преступления и наказания» как романа 1860-х годов является многогеройность, качественно изменяющая поэтику жанра. Прежде всего, герои «второго плана» — Дуня, Разумихин, Мармеладов, Лужин, Катерина Ивановна — обладают не дискретной, а непрерывной в пределах романного времени судьбой. Попав в поле зрения Раскольникова, Мармеладов и его семья остаются объектом внимания героя до конца, составляя параллельную раскольниковской сюжетную линию, имеющую свою интригу, логику и законы развития, так же как имеют их сюжетные линии Лужина и Свидригайлова. Непрерывность романских судеб героев «второго плана» Достоевского способствует тому, что каждый из них, наряду с функциональным, представляет в равной степени и самостоятельный интерес как данная неповторимая личность, характер, судьба, жизненная ситуация и т. д. Этот интерес усилен тем, что каждый персонаж «второго плана» окружен «фоном», столь же плотно насыщенным событиями, бытом, людьми, которые имеют непосредственное значение только для данного героя «второго плана», как и центральные. Катерина Ивановна, например, позируется не только в сценах, имеющих прямое отношение к центральным героям (исступленное обвинение Мармеладова и приведшего его из распивочной Раскольникова; защита Сони от обвинения в воровстве денег и др.), но и действует в ссорах с Амалией Людвиговной, на поминках по мужу, в «демонстрации нищеты» на улицах столицы, т. е. в сценах, прямого отношения к центральным героям не имеющих.

¹¹ Г. М. Фридендер. Реализм Достоевского. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 214, 180.

¹² Там же, стр. 181.

¹³ Для М. Гуса, например, три названные сюжетные линии равнозначны именно в качестве «идейных дуэлей» (М. Гус. Идеи и образы Достоевского. М., ГИХЛ, 1962, стр. 272).

¹⁴ Прием, кстати, не редкий в работах о романе. Ограничивается цитированием известных слов следователя В. И. Этова (Достоевский. Очерк творчества. М., «Прогресс», 1968). М. М. Бахтин называет «диалогическую интуицию» как метод «проникновения» следователя «в незавершенную и нерешенную душу Раскольникова» и «двуплановость» диалогов Порфирия и Родиона, но образ Порфирия остается вне исследовательского внимания автора. (М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., СП, 1963, стр. 82, 117—118, 351—353).

Но законы эстетической реальности романа, отражающие объективную взаимообусловленность элементов социально-общественного бытия, сцепляют романное существование всех героев таким образом, что поведение, мысли, судьба каждого из них становятся активными факторами личного существования и сознания каждого из остальных.

Исключение из названных эстетических законов структуры «Преступления и наказания» составляет образ Порфирия Петровича. Прежде всего, он — единственный из ведущих героев романа, который дан вне «фона», у которого нет предыстории, событий и связей, проявляющих его как *человека*, как личность. Порфирий явлен в романе только «внутри» официальной юриспруденции и исключительно как *следователь*. У Порфирия, как и у других представителей законности — Заметова, поручика Пороха, Никодима Фомича, — нет своего сюжета. Он, как и перечисленные персонажи, ни разу не показан в романе *вне* следовательской практики или вне поединков с Раскольниковым, т. е. без маски и вне игры, которую он ведет. Указанные обстоятельства заставляют особо акцентировать тактическую устремленность и направленный характер всех высказываний, размышлений и оценок Порфирия: каждое слово его и, казалось бы, пустая болтовня строго рассчитаны и имеют целью загнать Родиона в тупик, принудить его либо дать фактические улики, либо прийти с повинной. Если к тому же учесть, что из бытия следователя вне поединков с главным героем известны только отдельные поступки и мнения, рассчитанные на передачу их Раскольникову (II глава IV части, I глава VI части) или предусматривающие такую возможность (конец VI главы IV части), то окажется, что в романе изображена реализация психологической системы уловления преступника талантливым следователем, степень искренности и человечности которого, а тем более идеологической близости автору не очевидна и требует специального исследования.

В этой связи счесь существенно открывающее первую встречу Раскольникова с Порфирием «предупреждение» Разумихина о блистательных актерских способностях следователя, когда его полнейшая искренность и единомыслие на деле оказываются притворством, имеющим целью «одурачить». Возмущаясь ограниченностью теории среды, к сторонникам которой примкнул в споре Порфирий, Разумихин кричит: «Ведь это он все нарочно, ты еще не знаешь его, Родион! И вчера их сторону принял, только чтобы всех одурачить. *И что же он говорил вчера, господи! А они-то ему обрадовались!*.. Ведь он по две недели таким образом выдерживает. Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет: два месяца стоял на своем! Недавно вздумал уверять, что женится, что все уже готово к венцу. Платье даже новое сшил. Мы уже стали его поздравлять. Ни невесты, ничего не бывало: все мираж!» (Курсив наш. — Р. II.)¹⁵. Тем самым подчеркнута способность Порфирия не только понять принципы чуждой ему системы мышления, но и «принять» их, чтобы воспроизвести для себя миропонимание и поступки людей, для которых такая система органична. Эта способность качественно отличает Порфирия от его коллег с нормативным мышлением и делает бесполезной линию поведения, столь успешно опробованную Раскольниковым в разговоре с Заметовым (VI глава II части). Поэтому обмен репликами (нарсчито шуточной — Порфирия и подчеркнуто небрежной — Родиона) приобретает далеко не шуточный характер вызова равному по силе интеллекта противнику.

¹⁵ Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений, т. 5. М., ГИХЛ, 1957, стр. 267. В дальнейшем все подобные ссылки даются в тексте с указанием страницы в скобках после цитаты.

«—В самом деле вы такой притворщик? — спросил небрежно Раскольников.

— А вы думали, нет? Подождите, я и вас проведу — ха, ха, ха!» (267).

Кроме того, эта «заставка» подготавливает и Раскольникова, и читателя к восприятию всего содержания речей Порфирия как игры: «правда», которую так тщательно оговаривает и, казалось бы, серьезно подчеркивает следователь («Нет, видите ли-с, я вам всю правду скажу»), сразу уравнена с тем «строгим смыслом», который «с удивительной важностью» собирается он противопоставить в споре Разумихину («А что ж, оно в строгом смысле, пожалуй, и среда, — с удивительной важностью заметил Порфирий, — преступление над девочкой очень и очень даже можно «средой» объяснить»). Всем этим подготовлено настороженное отношение и к сочувствию, благородству, гуманности, которые будто бы проявляет следователь при «уловлении» своей жертвы.

Важно не только то, что говорит Порфирий, но и то, как он говорит, как опровергает противника на протяжении трех «боев»¹⁶.

Три встречи Порфирия с Раскольниковым существенно разнятся тематически: предметом первого поединка является идеологическое обоснование права на преступление; второго — психологическое состояние преступающего и преступившего по «праву» или без оногo; третьего — каторга и страдание как единственный и «выгодный» для Родиона выход. Различно и поведение героев во время встреч.

Первый поединок ведет Раскольников, а Порфирий «нескрываемой, навязчивой, раздражительной и невежливой язвительностью», «усиленно и умышленно искажая» идею Родиона, провоцирует полное и цензурированное изложение им своей философской системы. Такой драматургический прием позволяет органически вплести содержание статьи в событийную ткань романа, превращая факт предыстории в фактор *präsenz*'ного развития действия¹⁷. Не менее важно и то, что, благодаря диалогизации статьи, «отдельные положения Раскольникова становятся на наших глазах для Порфирия средством уловления преступника, т. е. этапами той борьбы, которая идет между правосудием и преступлением и которая, по Достоевскому, должна привести преступника к просветлению»¹⁸. На наш взгляд, однако, Порфирию важны не отдельные положения, а *логика, принципы философского мышления* Раскольникова, — в их испытывании смысл провокации следователя, что он и подтверждает в последнем разговоре с героем: «Я тогда поглумился, но это для того, чтобы вас на дальнейшее вызвать» (471)¹⁹. Именно принципы мышления Родиона убеждают следователя в виновности героя, что становится очевидным и последнему, и подсказывают Порфирию — при его умении подключаться к любой системе мировосприятия — психологическую основу и логику поведения Раскольникова, а следовательно и психологическую основу и логику уловления такого типа преступника. Эта безошибочно найденная основа

¹⁶ Как «бои» воспринимают свои встречи и сами герои. Раскольников в приемной следователя передумывает все случившееся, «готовясь к новому бою» (345). Во время последней встречи следователь вспоминает, что после рассказа Заметова о поединке в трактире он подумал: «Слишком смело-с, слишком дерзко-с, и если, думаю, он бинует, то это страшный боец» (472).

¹⁷ М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., «Советский писатель», 1963, стр. 117—118. См. также: Я. О. Зунделович. О стиле романа Достоевского «Преступление и наказание». — В кн.: Я. Зунделович. Романы Достоевского, Ташкент, 1963, стр. 36.

¹⁸ Я. Зунделович. Романы Достоевского, стр. 37.

¹⁹ Отметим в высшей степени показательное определение Порфирием этического содержания своей тактики — глумление.

и построенная на ней тактика блестяще реализованы Порфирием в двух следующих поединках с преступником, которые изматывающе многословно ведет следователь, перебываемый «почти истерикой» Родиона во втором и редкими репликами в третьем.

Но нельзя не заметить, что *только в названном плане* система мышления Раскольникова и интересует Порфирия. Социально-этическое содержание и природа идеи героя о двух разрядах людей, возможность возникновения на ее основе ненормативной этики — иными словами, наиболее важные для Родиона (и автора) проблемы, *не интересуют* Порфирия и *ни разу не возникают в таком аспекте в его рассуждениях*. Порфирий переводит идею героя из плана философского в план подчеркнуто и исключительно *уголовный* («меня все тут практические разные случаи беспокоят», 274) не потому, что сразу и безоговорочно осудил ее с точки зрения подлинной гуманности (истины-справедливости), а потому, что сама идея представляется ему только следствием «игривого ума», не имеющим никаких объективных оснований. Философская система Раскольникова на протяжении всех трех встреч использована и прокомментирована следователем лишь в той степени, в какой она доказывает, что убил именно Родион, т. е. в какой она становится *сближающим фактом* (уликой). Не случайно мотив обличающего факта становится главным в разговорах следователя, начиная с весьма двусмысленного замечания по поводу невведения Раскольниковым судьбы своей статьи: «Какой, однакож, у вас характер! Живете так уединенно, что таких вещей, до вас прямо касающихся, не ведаете. Это ведь факт-с» (268). Не случаен он потому, что именно и только факты, психологические и материальные, становятся стержнем обеих встреч следователя с преступником, на выпытывании фактов они строятся, во имя их Порфирий истязает «свою жертвочку» (353).

Оценив во время первой встречи раздражительность, дерзость и молниеносную психологическую реакцию противника (вопрос о красильщиках), Порфирий разрабатывает более тонкую психологическую тактику: раздражив до предела героя и таким образом притупив точность и быстроту ориентации, сломить прямым обвинением постороннего человека и тем самым спровоцировать признание (поскольку фактов, доказывающих виновность героя, у следователя нет). Такова психологическая схема второй встречи противников (V—VI главы IV части).

Только о фактах думает Раскольников, готовясь к предстоящему бою или осмысливая результаты прошедшего. «У них нет фактов, ни одного, — все мираж, все о двух концах, одна идея летучая — вот они и стараются наглостью сбить» (278), — уверенно замечает он Разумихину после первой встречи со следователем. Был или не был у Порфирия с доносом «мещанин из-под земли» и что он вообще может знать — вот что волнует Раскольникова перед вторым боем (344—345). Перебирая потом «вчерне» в уме этот страшный поединок, герой пытается понять главное для себя: действительно ли «до фактов все-таки еще не дошло» (подчеркнуто Достоевским, — Р. П.). Когда мещанин подтверждает, что фактов в его доносе не было, то Родион полностью успокаивается (370—373). Даже после третьей встречи, визита Порфирия в каморку Родиона, когда между ними уже все сказано, герой стремится понять, был ли Свидригайлов у следователя и пойдет ли (482). Это важно потому, что только у Свидригайлова есть факты, которых тщетно ждал и всеми способами добивался Порфирий и *которые одни могут решить исход борьбы между Родионом и Порфирием*. Следовательно, вопреки всем уверениям его в добром расположении, сочувствии, чуть ли не почитании, Раскольников убежден, что при сколько-нибудь доказательных фактах Порфирий не преминул бы тот-

час отправить его под конвоем в острог и не делает этого, при полной убежденности в виновности Родиона, не из желания предоставить тому юридическую «выгоду», а из-за того, что психология — палка о двух концах и герсой легко может повернуть ее в свою защиту, обретя в остроге душевное равновесие (477).

Противоречит легенде о гуманности Порфирия и его *последняя* просьба: в случае, если Раскольников задумает в отведенные ему сорок—пятьдесят часов свободы²⁰ покончить дело «фантастическим каким образом — ручки этак на себя поднять», «оставить краткую, но обстоятельную записочку. Так, две строчки, только две строчечки, и об камне упомяните: благороднее будет-с» (482). Просьба доказывает, что следователя интересует не нравственный суд человека над собой, каким было бы самоубийство и который больше всего волнует Сою, Сви-дригайлова, Дуню и самого Родиона, а юридическое наказание. Заключение Порфирия становится своего рода окончательным подтверждением справедливости слов Раскольникова о том, что до совести и нравственных страданий личности, переступившей «черту», «нет дела» обществу и его защитникам и что их фразы о гуманности и справедливости только прикрывают холодное любопытство или утилитарный интерес (274—275).

Все сказанное позволяет рассматривать вторую и третью встречи Порфирия с Раскольниковым как художественное отображение представления, заранее подготовленного следователем и рассчитанного на психологическое изматывание противника. Именно на психологическое, т. к. душевное состояние оказалось единственно уязвимым местом героя: Родион признается, что, «зная болезненность его характера и, с первого взгляда, верно схватив и проникнув его, Порфирий действовал хотя слишком решительно, но почти наверняка» (370). Эти сцены воссоздают самую атмосферу безжалостной психологической пытки человека холодным и расчетливым палачом, профессиональный талант которого только обостряет и изощряет истязание. Внутренняя бесчеловечность системы следователя подтверждается ощущением Разумихина, который не понимает причин происходящего, но становится все более «мрачным» и «хмурым», чувствуя несовместимость с «тихим и грустным» лицом Родиона «нескрываемой, навязчивой, раздражительной и невежливой язвительности Порфирия» (273). Еще более значительно, что мещанин — вчерашний человек из-под земли — пришел к Раскольникову просить прощения «за оговор и за злобу» *после* того, как всю вторую встречу Родиона и следователя «за перегородкой все время просидел»: «И все слышал, все, как он вас истязал» (372)²¹.

Нельзя далее не заметить, что на протяжении трех встреч Раскольников ни разу не *отстаивает* перед Порфирием своих философских выводов (полсжения своей статьи он поясняет), а Порфирий ни разу не *осознается* *главным героем как философский или этический оппонент*,

²⁰ Заметим, что следователь называет цифру, практически определив срок неизбежного ареста, и предупреждает о том, что меры поисков улик предпринимаются.

²¹ Мнения с жестокости Порфирия, хоть и реже, чем убежденность в его гуманности, встречались в критике. О «безжалостной медленной травле» им своей жертвы писал Е. Марков («Русская речь», 1879, № 6). Та же мысль в статье Бухарева, единственного из критиков, чьи мнения собраны В. Покровским, писавшего, что какой бы пронизательностью ни были вооружены представители юриспруденции, «не служителям жесткой буквы законной содействовать оживлению убитых душ» (Достоевский. Его жизнь и сочинения, ч. II. Составил В. Покровский, М., 1912, стр. 233). Обстоятельным анализом специфики речи Порфирия доказывают, что и по замыслу писателя этот герой — «юридический садист», «художник и тонкий мастер изощренной формы инквизиции над душой человека», Л. Д. Волкова и Ю. В. Лебедев, авторы интересного методического пособия для учителей «Роман Достоевского «Преступление и наказание» в школе» (Кострома, 1968, стр. 76—79).

в отличие от Сони и Свидригайлова. Напротив, после каждой встречи с Порфирием Родион укрепляется в решении бороться до конца, не признавать себя виновным. От начала и до конца Порфирий остается для него представителем «их», защитником тех, кто губит людей миллионами. Логично, в данной связи, что Раскольников идет с повинной не к Порфирию, а к нормативно и грубо мыслящему Пороху. Явка к Порфирию означала бы признание поражения перед его умом, логикой, силой убеждения. Родион же признал поражение своей идеи перед истинной-справедливостью, перед человечностью и гуманностью, т. е. в том аспекте, который не возникал и не мог возникнуть для следователя, поскольку объективно предполагал сомнение в справедливости общества, столь блистательно защищаемого Порфирием.

Все сказанное позволяет утверждать, что Порфирий — талантливый и умный защитник официальной законности и общества, что какие бы то ни было домысливания образа, тем более дотягивания его до идеологической солидарности или определенной степени духовного родства с Раскольниковым или передовыми общественными кругами произвольны и противоречат художественной логике и функциям этого образа в романе ²².

«Границы использования Достоевским образа Порфирия как своего заместителя» убедительно наметил Я. Зунделович ²³. По его мнению, автор «пользуется лишь средствами следовательского уловления преступника, чтобы привести последнего к краху», хотя «при всем блеске Порфирия, как следователя, не ему дано вывести Раскольникова из того тупика, куда он зашел», — такое право «автор оставляет лишь за собой и старается внушить это читателю, экспрессивно рисуя фальшь самоснижения Порфирия, которого как следователя (и только как следователя) упрекать не в чем». Заключенное в скобки чрезвычайно существенное уточнение делает особенно значительным разграничение Зунделовичем *функций* образа Порфирия и автора: «Благодаря такому ходу (чисто драматургическому, ибо таковы именно ремарки в драме) с предельной выразительностью вырисовывается следовательская тактика — тактика уловления, решительно отличающаяся от той тактики внутреннего сбличения преступника, следуя которой Достоевский и хочет привести своего героя к спасительному смирению» ²⁴. Нам же

²² Имеются в виду размышления М. Гуса о том, что юношеские годы Порфирия прошли при николаевском режиме, и «он мог быть одним из посетителей пятниц Петрашевского». Это предположение влечет за собой еще более ответственный, но столь же необоснованный комментарий к словам следователя о себе, как кое-что знаем, понимаем, но конченном человеке: «Можно лишь предполагать, что Порфирий видит в себе «обломок 40-х годов», не считает себя способным «шагать в ногу с веком» и осуждает теорию Раскольникова как логическое следствие заблуждений времен своей молодости — 40-х годов» (М. Гус. Идеи и образы Достоевского. М., ГИХЛ, 1962, стр. 291, 292). Еще меньше оснований признать правдоподобным утверждение Н. Чиркова, будто Порфирий потому прочитал статью Раскольникова как знакомую (V, 471), что «ощущает в себе самую возможность подобного деяния. Порфирий Петрович, как и Свидригайлов, способен многое чувствовать и оттого многое понимать... И в нем живет в своих потенциях «человек-универс» (Н. Чирков в. О стиле Достоевского. М., «Наука», 1967, стр. 103).

²³ Я. Зунделович. О стиле романа Достоевского «Преступление и наказание». В кн.: Зунделович Я. О. Романы Достоевского. Ташкент, 1963, стр. 26—27, 29—31, 37—38.

²⁴ Правда, исследователь не всегда последователен. Комментируя «расщепление», которое претерпевает стройная философия Раскольникова в устах Порфирия, становясь «такой бедной в своей неприкрашенной прямолинейности и столь легко поэтому поддающейся искривлению», Зунделович, в противоречии с собственной характеристикой качества и функции следовательской тактики, замечает: «Порфирий загоняет Раскольникова в идеологический тупик, а не просто смеется над ним, и в этом-то и проявляется себя спрятавшийся за диалогом автор» (Я. О. Зунделович. Романы Достоевского, стр. 38).

представляется, что предельно разнятся не только тактика следователя и автора романа, но и их цели (уловление — для одного, обличение — для другого), и основания этих целей (юридическая, уголовная виновность — для следователя, преступление против человечности при социальной оправдываемости — для автора). Все это дает основание утверждать, что политические оценки, которые дает теории и делу Раскольников Порфирий, характеризуют его как защитника официальной законности и выразителя официальной идеологии, но не могут быть расценены как авторские.

Различие систем и критериев оценок писателя и Порфирия обуславливает различное содержание и тех определений «дела» Родиона, которые входят в обе системы. К ним относятся: «современность» теории и преступления Раскольникова; связь их с эпохой 1840-х годов (имя Гоголя дважды, в одном случае скрыто, всплывает в тирадах следователя); тезис о том, что современно мыслящий человек является иностранцем для России и ее народа; идея страдания, выкупающего для личности право быть человеком.

Доказывая, что характер преступления исключает виновность Миколки, Порфирий и дает широко цитируемую оценку: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитруется фраза, что кровь «освежает», когда вся жизнь проповедуется в комфорте» (475). Комментируя именно ее, писал М. Гус о смещении следователем, по воле автора, трех разрядов преступников. На наш взгляд, для такого комментария нет оснований, потому что Порфирий определил этой фразой главные отличительные черты эпохи: самоутверждение личности любыми путями, борьба всех против всех в качестве нормы и закона существования, которые в своем логическом завершении ведут к палачеству тем более необходимо, что конечным идеалом эпохи оказывается комфорт. Этот закон, характеризующий 1860-е годы как эпоху буржуазную, назван верно (данная часть понятия «современность» входит и в авторскую систему оценок), но причины его возникновения отнесены Порфирием исключительно за счет влияния демократической идеологии: «Тут книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце. (...) Убил, убил двух, по теории. (...) Убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, бледным ангелом ходит, — нет, какой уж тут Миколка» (475--476). Противопоставление Миколки Родиону, кроме конкретно-сюжетного содержания, показывает, что Порфирий исключает самую возможность социальных оснований преступления, а тем более идеи Раскольникова. Не случайно следователь, упирая на ум своего противника, постоянно называя его человеком умным, развитым и в этом смысле современным, в то же время весьма двусмысленно характеризует сам ум: «Иривая острота ума и отвлеченные доводы рассудка вас соблазняют» (355); «Хе-хе. Остроумны, остроумны-с. Все-то замечаега! Настоящий иривый ум-с» (369). В этой связи особенно значительно, что, скупулезно собирая обличающие Родиона обстоятельства, Порфирий — единственный из героев романа — не замечает нищеты его, кризисного положения близких, ни разу не интересуется этими фактами. Следовательно, социальные факторы *исключены* Порфирием из системы оценок, тогда как Достоевский бытием мира «бедных людей» и Лужинных показал реальные социально-общественные корни теории и «дела» Раскольникова.

Следовательно, изобразить «теорию права сильного» как порождение социалистической идеологии стремится в романе не Достоевский²⁵.

²⁵ М. Гус. Идеи и образы Достоевского. М., ГИХЛ, 1962, стр. 283.

а Порфирий, и это вполне соответствует его позиции официального защитника общества. Важнейшим подтверждением тому являются не столько пренебрежительные оценки Раскольниковым социалистов (кстати, показательные), сколько то, что герой изъят из каких бы то ни было общественно-политических связей. Таковых нет в художественной структуре «Преступления и наказания», ибо в теории героя Достоевский видел естественное следствие роста сознания личности в условиях буржуазной действительности; роста сознания, который в числе других может дать и революционную идеологию, поскольку закономерно приводит личность к пониманию необходимости коренного переустройства «мира сего» во имя человека. Но эксперимент героя показал, что дело, практически резульативное только на основании законов реального общества, несет в себе черты этой реальной социальной действительности вне зависимости от субъективных намерений личности и даже вопреки им. Достоевский, как нам кажется, пришел к огромной важности выводу о необходимости качественно отличных от известных истории путей и методов общественного преобразования, которое могло бы привести к «золотому веку». Другое дело, что писатель так и не смог найти их. Но его Раскольников — герой и деятель в широком смысле слова буржуазный, дитя своего века, общества и страны, хотя буржуазного характера своей теории он не осознает и менее всего может быть назван в своей деятельности буржуазно ограниченным.

Столь различное понимание «современности» Достоевским и его героем, Порфирием, исключает возможность использования оценок героя для характеристики позиции автора. Подтверждает наш вывод и значение той связи, которая, по мнению Порфирия, существует между теорией Раскольникова и эпохой 1840-х годов, эпохой Гоголя и Белинского. Рассказывая Родиону о впечатлении, произведенном его статьей, Порфирий замечает: «Мне все эти ощущения знакомы и статью вашу я прочел как знакомую. В бессонные ночи и в исступлении она замышлялась, с подыманием и стуканьем сердца, с энтузиазмом подавленным. А опасен этот подавленный, гордый энтузиазм в молодежи! Я тогда поглумился, а теперь вам скажу, что ужасно люблю вообще, то есть как любитель, эту первую, юную, горячую пробу пера. Дым, туман, струна звенит в тумане. Статья ваша нелепа и фантастична, но в ней мелькает такая искренность, в ней гордость юная и неподкупная. в ней смелость отчаяния; она мрачная статья-с, да это хорошо-с» (471). Скрытая в этой тираде цитата из «Записок сумасшедшего»²⁶ звучит, на первый взгляд, неожиданно. Спрятанная в ней ирония обращена и на «первую, юную, горячую пробу пера» Раскольниковым, и на русскую литературно-общественную жизнь 1840-х годов, которая была первым после декабристов пробуждением широкого общественного сознания и знаменем которой был Гоголь. Строки из «Записок сумасшедшего», пронизанные болью за маленького человека, раздавленного обществом, отказавшим ему в праве быть человеком, иронически переосмыслены Порфирием как свидетельство «нелепости и фантастичности» символизируемых ими общественных веяний.

Для Достоевского же эти строки были широким поэтическим символом. Говоря о своем понимании современности и поэтической правды, он в письме от 23 декабря 1863 г. пишет Тургеневу в связи с повестью «Призраки»: «По-моему в «Призраках» слишком много реального. Это реальное — есть *тоска развитого и сознающего существа, живущего*;

²⁶ Последняя запись Поприщина: «Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает вдали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется над ногами; струна звенит в тумане».

в наше время, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все Призраки. Это «струна звенит в тумане», и хорошо делает, что звенит» (343). Теория Раскольниковова рождена этой тоской, является ее своеобразным выражением. Для писателя эта тоска — залог движения, залог мучительных поисков человеком путей к «золотому веку». Для Порфирия в теории нет «тоски развитого и сознающего существа», а только «подавленный, гордый энтузиазм», который «нелеп», но «опасен».

Эти толкования идеологических и политических оценок Порфирия придают несколько иной смысл и тезису следователя о чуждости современно мыслящих людей народу (тезису, который только *назван*, но не развернут), и уговорам, обращенным к Раскольникову, «принять страдание». Обе эти идеи в устах Порфирия не выходят за пределы официальной идеологии, объясняющей идеи русских революционных демократов влиянием европейских теорий и социальных учений и предупреждающей посему полное непонимание их русским народом.

Все сказанное позволяет существенно уточнить основания идеологической борьбы Порфирия с Раскольниковым, которая не может считаться выражением авторской позиции в романе, но которая блестяще демонстрирует пути, методы и средства идеологической защиты существующего общества под маской гуманности и справедливости. Это уточнение в свою очередь объясняет сюжетную замкнутость линии Раскольников—Порфирий, которая не связана ни с одной из остальных и на них не влияет. Но главное — уточнение оснований идеологической борьбы следователя с Родионом объясняет, почему эта борьба, будучи тяжелейшим испытанием для психики героя, не становится существенным фактором в этико-философском обосновании им «исхода» — «наказания».

*Кафедра русской литературы
Харьковского университета*
